

УДК 1(091)+101.1:316

Философия насилия Р. Жирара и «жертвенный кризис» современности

И. Н. Сидоренко, кандидат философских наук, доцент*

В статье анализируется философия насилия французского философа Р. Жирара через раскрытие основных положений и принципов его концепции «жертвенного кризиса», таких, например, как функциональность жертвоприношения в процессе антропосоциогенеза. Аргументируется идея о том, что культура создается механизмом жертвоприношения, посредством которого зло преодолевается злом, что, в свою очередь, позволяет разорвать круг насилия, перенаправив насилие в безопасное для общества русло, а именно на заместительную жертву. Насилие определяется как энергия, которая должна быть устранена из коллектива посредством жертвоприношения. В статье также раскрывается методологический потенциал концепции «жертвенного кризиса» для понимания источников и механизмов насилия в современном мире.

Ключевые слова: насилие; жертва; жертвоприношение; замещение; жертвенный кризис; мимесис; соперничество; месть; тождество; различие.

The Philosophy of Violence of R. Girard and «Sacrificial Crisis» of Modernity

I. N. Sidorenko, PhD in Philosophy, Associate Professor

The article analyzes the philosophy of violence of the French philosopher R. Girard through a summary of the main propositions and principles of his concept of «sacrificial crisis», such as functionality sacrifices in development of the person and society. The idea is argued that culture is created by the mechanism of sacrifice by which evil is overcome by evil, which in turn allows to break the cycle of violence. This, in turn, will direct violence to the community in a safe direction, namely, the substitutionary sacrifice. Violence is defined as the energy that must be removed from the team by sacrifice. The author of this article also discovers the methodological potential of the concept of «sacrificial crisis» for understanding the sources and mechanisms of violence in the modern world.

Keywords: violence; sacrifice; acts of sacrifice; substitution; sacrificial crisis; mimesis; rivalry; revenge; identity; difference.

Современный мир подобен кипящему котлу и сопровождается постоянными всплесками насилия. Создается впечатление, что эти всплески насилия в определенных точках земного шара, с одной стороны, снижают общую «температуру кипения» и, тем самым, дают возможность существовать островкам мира, а с другой стороны, являются показателями того, что «температура кипения» уже достигла критического уровня и возможен взрыв тотального насилия в виде новой мировой войны. В силу этого возникает необходимость в философском осмыслении природы и сущности насилия и обращении к философским концепциям войны и насилия. В качестве одной из таких концепций предстает концепция «жертвенного кризиса» французского философа, культуролога и литературоведа Рене Жирара, которая, несмотря на ее спорные и дискуссионные моменты, несомненно, обладает методологическим потенциалом не только для понимания функциональ-

ной роли жертвоприношения в архаических сообществах, но также и для раскрытия источников и механизмов насилия в современном мире. В своих работах «Насилие и священное» [1] и «Козел отпущения» [2] Р. Жирар выстраивает свою концепцию «жертвенного кризиса», в которой делает акцент на сущности ритуалов жертвоприношения, на их роли в антропогенезе и развитии человеческой культуры. Его основная идея заключается в том, что жертвоприношение выступает тем «цементирующим» элементом, благодаря которому происходит образование человеческого сообщества, интеграция его членов в единство и снижение напряженности и конфликтности в обществе.

Р. Жирар определяет насилие как «жажду», как избыточную психофизиологическую энергию, которая должна быть устранена из коллектива посредством жертвоприношения. Насилие дезинтегрирует общество и принципиально неустранимо, более того, оно миметично, т. е. обладает свой-

* Докторант кафедры философии культуры ФФСН БГУ.

ством взаимности: насилие всегда вызывает ответное насилие. Поэтому, с точки зрения Р. Жирара, единственным выходом является возможность посредством акта жертвоприношения перенаправить насилие, изменив тем самым его качество. В чем же заключается источник насилия? Следуя логике Р. Жирара, можно отметить несколько причин: во-первых, это биологическая причина, т. е. предрасположенность человека к насилию; во-вторых, насилие коренится в самом стремлении к доминированию, экспансии как свойству всего живого; в-третьих, развязать насилие легче, чем остановить, так как насилие иррационально; в-четвертых, насилие по своей природе миметично. Однако, как справедливо отмечает Р. Жирар, насилие «само умеет находить весьма основательные причины, когда хочет разразиться» [1, с. 8—9]. Необходимо также подчеркнуть, что стремление человеческого сообщества к большей сплоченности предполагает определенного рода одинаковость, схожесть его членов. Вместе с тем стремление к подобию, с одной стороны, способствует интеграции, с другой стороны, срабатывает система с обратной связью, т. е. усиливается соперничество, стремление подавлять и подчинять. В силу этого возникает ситуация разрушительного насилия, или, используя терминологию Р. Жирара, миметический кризис. Преодоление этого кризиса возможно за счет перенаправления насилия, т. е. насилие, направленное на «всех против всех», должно трансформироваться в насилие «всех против одного». В свою очередь, такое изменение направленности и качества насилия возможно при выборе жертвы. Таким образом, как отмечает Р. Жирар: «Перехитрить насилие можно лишь постольку, поскольку ему предоставляют какой-то отводной путь, дают хоть чем-то утолить голод» [1, с. 11]. Однако если агрессия уже развязана, а конкретный объект недосыгаем, то возникает необходимость замещения этого объекта, которая позволила бы разрядиться агрессии.

Развивая свою гипотезу замещения, Р. Жирар проговаривает определенный интеграл действий выбора и замещения жертвы, который можно представить в виде правил. Первое правило сформулируем так: жертва ничего не искупает, так как искупать нечего. Второе правило заключается в том, что жертвенное замещение предполагает неосознание, известную степень ошибки, за счет чего само замещение возможно в принципе. Это правило обеспечивает функциональность жертвоприношения, ставя проблему замещения на уровне всего коллектива. Жертва не замещает кого-то конкретного, над кем нависла угроза, она одновременно и замещает сразу всех членов сообще-

ства, и сразу им всем приносится. Только поэтому жертвоприношение способно защитить весь коллектив от его собственного насилия. Р. Жирар подчеркивает два значения жертвы через прояснение древнегреческого термина «pharmakos»: как целительное средство и как изгой. Поэтому если противоречия раздрают сообщество, то жертва притягивает к себе всю энергию насилия, впитывает ее в себя, и, будучи изгоем, отводит его от общества. Отсюда следует третье правило: заместительная жертва должна быть изгоем, посторонним, между ней и коллективом должны отсутствовать социальные связи, которые бы не позволили применить к ней насилие, не порождая духа мести, так как месть — это бесконечный процесс, множущий акты насилия и ставящий под вопрос само существование общества. Жертвоприношение безразличной в таком понимании жертвы разрывает порочный круг мести и поэтому может быть интерпретировано как «профилактический» инструмент в борьбе с насилием.

Из вышеперечисленных правил следует четвертое: заместительная жертва сакральна, так как невиновна. Выбрать жертвой виновного — значит совершить акт насилия, которого требует месть. Такое жертвенное насилие, падая на самого носителя насилия, становится причастно его насилию и приводит к эскалации насилия в обществе. Недаром Р. Жирар подчеркивает вирусную природу насилия: «подвергать насилию того, кто насилие совершил, — значит заразиться его насилием» [1, с. 40]. Поэтому, раз насилие над виновной жертвой нечисто, так как порождает разрушительное насилие, то необходимо, чтобы жертва была чистой, т. е. невиновной и незаразной насилием. Сакральность жертвы и катарсис жертвоприношения имеют целью помешать распространению насилия, т. е. прекратить его как некую заразу. Разведение чистой невинной жертвы и заразной виновности позволяет Р. Жирару проводить различие между «законным» и «незаконным» насилием. Именно законность жертвенного насилия наделяет жертву сакральностью, что позволяет ей, в свою очередь, стать, по сути, фетишизацией социальной целостности через единодушие в насилие. Таким образом, смыть пятно нечистоты возможно лишь одним способом — кровью ритуальной жертвы. В этом очищении и заключается основная роль жертвенного ритуала. Такая материальная метаморфоза пролитой крови обозначает двойственную природу насилия: кровь демонстрирует то, что насилие одновременно является и тем, что грязнит, и тем, что очищает. Такая двойственная природа насилия раскрывает, по мысли Р. Жирара, истину о тождестве зла и лекарства от

него в сфере насилия. «Насилие то поворачивается к людям страшным лицом, производит безумные опустошения; то, наоборот, предстает миротворцем, изливает вокруг блага жертвоприношения» [1, с. 53]. Однако, несмотря на достаточно четкое разведение чистого и нечистого насилия, необходимо отметить, что по-настоящему не существует чистого насилия, жертвоприношение лишь считается очистительным насилием, так как участники после него должны сами очищаться. Ярким примером этой двойственной природы насилия и его амбивалентной природы является, с точки зрения Р. Жирара, греческая трагедия, иллюстрирующая нерешенность первого конфликта и его затягивание навечно за счет того, что между противниками нет никакой разницы. Трагедия поэтому представляет собой равновесие весов не справедливости, а насилия, раскрывая тайну о том, что у обеих сторон одни и те же основания, вернее — у насилия нет никаких оснований. В силу этого трагическое действие представляет собой серию актов мести, т. е. ходов подражания насилию. Так, например, «судьба, всегда ироническая (иначе говоря, насилие), заставляет Геракла осуществить злейший план его соперника: он сам в конце концов и приносит свою семью в жертву. Чем дольше длится трагическое соперничество, тем сильнее оно поощряет мимесис насилия, тем больше создает зеркальных эффектов между противниками» [1, с. 66]. Таким образом, трагедия раскрывает нарушение пятого правила замещения жертвы и символизирует жертвенный кризис. Неразличимость антагонистов, жертвы и палача, порождает «чудовищную» тождественность, убийственное сходство. Суть же пятого правила заключается в том, что замещающий объект должен быть отличным и в то же время обладать минимальным сходством с «оригиналом». Так, с одной стороны, жертвенный кризис представляет собой утрату различия между нечистым и очистительным насилием, а с другой стороны, является кризисом различий, т. е. процессом их прогрессирующего стирания и уничтожения. Мир и порядок основан на культурной дифференциации, на определенном структурировании, не сами различия, а их утрата вызывает сильнейшую конфронтацию, соперничество между тождественными друг другу членами сообщества. Р. Жирар справедливо отмечает, что если «насилие — сперва скрытое — жертвенного кризиса уничтожает различия, то само это уничтожение, в свою очередь, ускоряет ход насилия» [1, с. 69]. Таким образом, причина хаоса, несущее насилие, — это не различие, а его утрата. Именно об этом говорит традиция, т. е. о разрушении культурного порядка. Утрата различий оборачивается

проявлением «обезразличенного насилия», которое, сколь бы ограничено оно ни было вначале, может распространиться и уничтожить все общество. Мифы и трагедии, с точки зрения Р. Жирара, несут в себе это неявное знание о насилии.

Процесс обезличивания насилия как цепочка жертвенных кризисов должен иметь некий механизм саморегуляции, который бы остановил полное истребление. Такой механизм Р. Жирар находит в феномене двойников, отмечая, что по мере ужесточения кризиса все члены сообщества превращаются в близнецов насилия [2]. Поскольку насилие действительно нивелирует людей, делая каждого двойником другого, то любой может стать двойником всех остальных, т. е. объектом всеобщей ненависти. Такая повсеместность двойников как окончательное исчезновение различий составляет необходимое и достаточное условие единодушного насилия. Так вновь возникает сообщество, собранное воедино в ненависти, которую ему внушает один из его членов. Людям необходимо убедить себя в том, что за их беды отвечает кто-то один, именно поэтому они добровольно решаются на поиски «козла отпущения». Этот механизм насилия можно уподобить порочному кругу: как только сообщество туда попадает, оно уже не способно оттуда вырваться. Р. Жирар утверждает, что для того, «чтобы выйти из этого круга, нужно ликвидировать колоссальную задолженность по насилию, под которую заложено будущее, нужно у всех отнять все модели насилия, которые непрерывно умножаются и порождают новые имитации» [1, с. 111]. Закономерен вопрос: как это можно сделать? Ответ Р. Жирара однозначен: посредством жертвы отпущения. Этот ответ можно интерпретировать следующим образом: если всем удастся поверить, что лишь один из них несет всю ответственность за весь мимесис насилия, то, уничтожая жертву отпущения, они будут убеждены, что избавляются от поразившего их всех зла. Такое избавление будет действенным, поскольку среди людей не останется «завораживающего насилия». Таким образом, основная идея Р. Жирара заключается в том, что культура создается механизмом жертвоприношения, посредством которого зло преодолевается злом, так как из круга насилия выйти нельзя, возможно лишь перенаправить его в некое безопасное для общества русло, а именно на заместительную жертву.

Несмотря на то, что французский философ в выстраивании своей концепции «жертвенного кризиса» в основном исходил из данных об архаических обществах, его теория имеет методологический потенциал для понимания процессов эскалации насилия в современном обществе. Глобали-

зирующийся мир представляет собой определенную модель унификации экономики, политики и национальных культур, реализуемую за счет стандартизации индивидов. Все это приводит к размыванию различий и к формированию «чуждовидной» тождественности, что, согласно основным позициям концепции «жертвенного кризиса», непосредственно ведет к разрушающему насилию. В современном обществе потребления абсолютизируется принцип соперничества, однако объектом желаний выступает не сам предмет, а другой желающий, который своим желанием и формирует искусственные потребности. Создается впечатление, что императивом современного общества становится лозунг: «Желай и наслаждайся». Однако без взгляда Другого и наслаждение, и желание оказываются не возможны. В силу этого сам акт желания создает пару двойников, а значит, угрожает возобновлением насилия и дезинтеграции в обществе.

Исходя из концепции Р. Жирара, можно было бы предположить, что заместительная жертва смогла бы вывести энергию насилия за пределы сообщества. Однако современность предстает как тотальный жертвенный кризис, во-первых, потому, что национальное государство уже не представляет собой закрытого пространства, его границы прозрачны и пропускают не только денежные потоки и информацию, но и риски, угрозы и насилие, а значит, иного русла для того, чтобы изменить направленность и качество насилия, не существует. Во-вторых, обращение насилия на жертву замещения уже не приведет к новой интеграции общества, так как сегодня пространство социальной реальности фрагментарно и нет центра, вокруг которого возможно было бы новое сплочение индивидов. Новая архитектура социального пространства стала развиваться в так называемом «сетевом поле», не предполагающем не только существования непрозрачных границ, но и четко фиксированного центра.

Ответом на «убийственную схожесть» также выступают различные националистические проекты. В сложившихся новых условиях национализм демонстрирует свою живучесть и конкурентоспособность. Это обусловлено, прежде всего, тем, что, в противовес ожиданиям наступления кардинально новой фазы развития человечества, в ходе глобализации проявляется все больше негативных последствий как экономического, так и социального характера. Предоставляя существенные преимущества и выгоды наиболее развитым странам, для подавляющего большинства населения планеты глобализация остается ощутимой благодаря своим разрушительным и катастрофическим по-

следствиям. Именно глобализация, в своем негативном значении, как тотальная унификация является причиной оживления этнического национализма, часто обладающего конфликтогенным потенциалом и несущего вирус насилия.

Следует отметить, что современный «жертвенный кризис» оборачивается в игру с выбором идентичности. Кризис идентичности символизирует собой кризис двойников: игра в выбор идентичности увеличивает риск появления двойников, а значит возобновления мимесиса насилия. Если ранее, обладая четко выстроенной идентичностью и отличительными характеристиками, индивид мог избежать направленного на него насилия, то сегодня ни у кого нет гарантии, что он не станет жертвой, например, теракта. В силу этого каждый из нас является «удобным» объектом для любого вида насилия.

Законного насилия больше нет вообще, так как в современном обществе наблюдается переход в политике от «обороны» к «безопасности», что в итоге приводит к стиранию различий между внешней и внутренней сферами, между армией и полицией. Так, под лозунгом «безопасности» оправдывается постоянная военная активность, как на собственной территории, так и на территории других государств. Война проявляется через два феномена: защита прав человека на зарубежной территории и попытка свести к минимуму глобальный риск терроризма за счет военных средств государств. Таким образом, современные войны не ведутся в национальных интересах, напротив, они снимают ограничение ответственности государств национальной территорией, превращаясь в своеобразные «мировые полицейские войны», которые служат средством камуфлирования незаконной войны, оправданием агрессии.

Насилие в форме современной войны предполагает и новую логику власти. В современных условиях власть, стремящаяся к безопасности, во главу угла ставит не легитимность и лояльность граждан к ней, а порядок, установленный силой. Однако достигнутая так называемая «стабильность» должна быть опять нарушена, иначе возникает вопрос о необходимости самой силы, обеспечивающей этот порядок. В силу этого состояние многих современных обществ можно сравнить с функционированием ядерного реактора, т. е. система действует до тех пор, пока воспроизводится угроза. Таким образом, угроза насилия и мести уже не может быть устранена ни судебной системой государства, ни международным правом. Более того, как отмечает Р. Жирар, «чтобы прекратить месть (в наши дни — чтобы прекратить войну), мало убедить людей в том, что насилие отвра-

тительно; именно потому, что они в этом убеждены, они считают себя обязанными мстить» [1, с. 25].

Диагноз, который ставит Р. Жирар современности, неутешителен: происходит стирание священного, его полное устранение. Это, в свою очередь, готовит его тайный возврат в форме уже не трансцендентной, а имманентной, т. е. в форме насилия и явного знания о насилии, что в принципе мы и наблюдаем сейчас в развитии различных форм фундаментализма. Неужели от века человечество обречено на насилие, так как и нетерпимость, и терпимость по отношению к насилию оказываются в равной степени губительны? Р. Жирар отмечает, что «жителям ни первобытных, ни современных обществ так и не удалось идентифицировать микроб той чумы, какой является насилие»

[1, с. 48], но это вовсе не означает, что у человечества нет выхода. Исходя из основных положений его концепции «жертвенного кризиса» можно сделать предположение, что такой выход есть: утверждение различий как главный принцип интеграции сообществ и возврат насилия в пространство сакрального, однако уже не через поиск замещенной, однако реальной жертвы, а через символизацию ее замещения.

Список цитированных источников

1. *Жирар, Р.* Насилие и священное / Р. Жирар. — М., 2010.
2. *Жирар, Р.* Козел отпущения / Р. Жирар. — СПб., 2010.

Дата поступления в редакцию: 17.01.2015 г.